

Научная статья

УДК 379.85:338.48 + 94:159.953 + 316.346.36:159.953 + 316.74 + 130.2

DOI 10.15826/izv1.2024.30.2.033

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ DARK-ТУРИЗМА КАК ФАКТОРА СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Екатерина Дмитриевна Бугрова

Уральский федеральный университет,

Екатеринбург, Россия,

ekaterina.bugrova@urfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-9304-1327>

А н н о т а ц и я. Объект исследования в статье — особенности dark-туризма как фактора сохранения культурно-исторической памяти. Его истоки как социокультурного явления некоторые исследователи видят в традициях средневекового паломничества, в ходе которого пилигримы нередко посещали места гибели мучеников веры. Рост интереса к «местам памяти» (руинированным городам, историческим кладбищам, могилам знаменитых людей и т. п.) наблюдается в середине XIX в., когда появляются первые туристические путеводители. А изучение dark-туризма на рубеже XX–XXI вв. обусловлено «мемориальным бумом» — ростом внимания исследователей к новому направлению в гуманитаристике эпохи глобализации — «memory studies». Наша цель — рассмотреть вопросы истории и практики dark-туризма в контексте современного культурологического знания.

К л ю ч е в ы е с л о в а: массовый туризм; парадигмы памяти; «memory studies»; dark-туризм; культурная память; места памяти; национальная идентичность

ISSUES OF STUDYING DARK TOURISM AS A FACTOR IN PRESERVING CULTURAL AND HISTORICAL MEMORY

Ekaterina D. Bugrova

Ural Federal University,

Ekaterinburg, Russia,

ekaterina.bugrova@urfu.ru,

<https://orcid.org/0000-0001-9304-1327>

A b s t r a c t. The object of study is related to the features of dark tourism as a factor of preserving cultural and historical memory. Some researchers see its origins that appear to be sociocultural phenomenon in the traditions of medieval pilgrimage, during which pilgrims often visited the places of martyrs' death. A growing interest towards the "sites of memory" (ruined cities, historical cemeteries, graves of famous people, etc.)

© Бугрова Е. Д., 2024

was observed in the mid–19th century, when the first guidebooks appeared. And the study of dark tourism at the turn of the 20th–21st centuries is due to the “memory boom” – increased attention of researchers to a new direction in the humanities of the era of globalization – “memory studies”. The purpose of the article is to consider the history and practices of dark tourism in the context of modern cultural knowledge.

Key words: mass tourism; memory paradigms; memory studies; dark tourism; cultural memory; places of memory; national identity

Введение

Внимание исследователей в последние десятилетия привлекает концепт «парадигмы памяти», который является основополагающим в системе «мемориальных исследований» – актуальных направлений современного гуманитарного знания. Появившись в западной науке в 1980-е гг., это направление, обозначенное англоязычным термином «memory studies», в России набирает силу уже в XXI в. Благодаря концентрации на аспекте «культурной памяти» (а не физиологической памяти человека) оно объединило представителей разных гуманитарных наук: культурологов и социологов, историков и филологов, психологов и политологов.

В отечественной гуманитаристике, в том числе в культурологии, понятийное пространство «парадигмы памяти» включает в себя такие термины, как «культурная память», «социальная память», «коллективная память». При этом все три понятия так или иначе связаны с формированием национальной идентичности. Вместе с тем, по мнению К. Э. Разлогова, «на общую идентичность (= ментальность), сохраняющую память веков и поколений, накладывается сетка современной городской цивилизации и процессов глобализации, стирающих грани между народами, и диверсификации, генерирующей новые границы между различными сообществами и соответственно идентичностями» [Культурная память, с. 15].

В связи с этим в современных направлениях «memory studies» большое значение приобретает культурно-исторический контекст, диалогический подход, семиотика; не случайно в последние десятилетия актуализируются теоретические труды Э. Дюркгейма, М. Хальбвакса, М. М. Бахтина, Л. С. Выготского, Ю. М. Лотмана и др.

В целом формирование социально-культурного подхода к феномену памяти, как отмечает А. Г. Васильев, «происходит сегодня в процессе поиска оптимальной концепции, позволяющей избежать крайностей социального атомизма (индивидуализма), с одной стороны, и социального детерминизма, с другой» [Там же, с. 31]. Наиболее оптимальной перспективой является коммуникативный подход к изучению коллективной памяти, использующий достижения медиакультуры и теории коммуникации.

Становление dark-туризма как нишевого направления

Активное развитие массового туризма во второй половине XX в. привело к необходимости научного осмысления причин, которые заставляют людей

отправиться в путь. Основным мотивом путешествий в эпоху глобализации исследователи называют стремление получить уникальные опыт и впечатления, исходя из индивидуальных предпочтений и потребностей туриста. По определению З. Баумана, современный турист — это тот, кто сознательно и систематически ищет новые, отличные от привычного переживания, зачастую необычные, но при этом исключительно безопасные. В путешествии пространство представляется как в высшей степени эстетизированное, а окружающий мир существует лишь с целью волновать, радовать и развлекать туриста [Bauman, p. 18–36]. В связи с этим в последние десятилетия количество объектов, воспринимаемых как туристские аттракции, постоянно растет. Дж. Урри утверждает, что глобализация привела к значительным изменениям в восприятии туристами окружающего мира: сегодня «территория повседневной жизни перестраивается под “туристские” образцы», а «“туристическая рефлексия”... ведет к тому, что практически каждое место получает шанс занять свою нишу» [Урри, с. 147].

Подобные локации начинают восприниматься туристами как символы чужой истории и культуры, становятся более пластичными, вбирают в себя элементы локальной идентичности, активно продвигаемые различными средствами массовой информации [Groebner, p. 422–428]. Таким образом, индустрия туризма создает своего рода гиперреальность с аттракциями-симулякрами, наполненными образами, знаками и смыслами, позволяющими получить уникальный эмоциональный опыт [Мошняга, с. 18–19], основным же инструментом продвижения и трансляции такой гиперреальности выступают самые разные медиа. Разнообразие информации и возможность получить в поездке яркие, необычные впечатления приводят к диверсификации туристского продукта и возникновению нишевых видов туризма, для которых, помимо отдыха, важную роль играет особая мотивация туриста, которая может быть связана с определенными увлечениями и интересами путешественника, влиянием медиаперсон-трендсеттеров и т. д.

Среди наиболее популярных направлений нишевого туризма выделяются гастрономический, приключенческий, событийный, круизный, горнолыжный, кино- и фототуризм и др. [Малетин, с. 220]. Одним из самых необычных нишевых видов туризма является dark-туризм. Говоря о том, что «глобальный хищный туризм» включает в свою сеть «самые неожиданные направления», Дж. Урри приводит в пример такие объекты, как «Титаник», бывшие нацистские концентрационные лагеря Дахау и Аушвиц-Биркенау, тюремные комплексы Чанги и Роббенэйленд, Перл-Харбор и Сараево [Урри, с. 137].

Несмотря на то, что научное осмысление dark-туризма, как и самого научного направления «memory studies», пришлось на рубеж XX–XXI вв., этот феномен связан не только с эпохой глобализации и ростом массового туризма. Некоторые исследователи видят истоки dark-туризма в Средневековье, проводя параллели с паломничествами, в ходе которых пилигримы нередко посещали места гибели священномучеников [Seaton, p. 527]. Известно, что в конце XVIII в. участники знаменитого Гран-тура стремились побывать в Помпеях, а во второй половине XIX в. этот руинированный город пережил настоящий туристический бум — как

популяризированное через художественную культуру (живопись, литература) и туристические путеводители место памяти и философских размышлений о трагедии и смерти [Covacs]. Такое восприятие разрушенных Помпей транслируют, к примеру, известные писатели — Чарльз Диккенс [Диккенс, с. 524] и Марк Твен [Твен, с. 286, 288, 292].

Появившиеся в середине XIX в. путеводители современного формата также включали в качестве мест, рекомендованных для посещения туристами, известные кладбища в крупных городах, в частности, в путеводителе Бедекера по Парижу и его окрестностям (1874) описание кладбища Пер-Лашез и его знаменитых могил занимает более 15 страниц [Матич, с. 7].

В поле зрения исследователей dark-туризм попал в последнее десятилетие XX в. В 1993 г. К. Роджек в своей книге «Пути побега: современные трансформации в сфере отдыха и путешествий» ввел термин «черные места» (“black spots”) для обозначения одной из четырех метатем, связанных с развитием туристских территорий в эпоху постмодернизма, — наряду с объектами наследия (“heritage sites”), литературными пейзажами (“literary landscapes”) и тематическими парками (“theme parks”). «Черные места» Роджек определил как места «коммерческого освоения могил и мест, где знаменитости или большое количество людей встретили внезапную и насильственную смерть», в качестве примеров были названы Поля смерти в Камбодже, Аушвиц (Польша), мост через реку Квай (Таиланд), места смерти Э. Пресли и Дж. Дина в США [Rojek, p. 136]. В 1996 г. вышла основополагающая статья М. Фоли и Дж. Дж. Леннона «Джон Кеннеди и dark-туризм: очарование убийством», в которой впервые было введено понятие «dark tourism», со временем ставшее зонтичным термином, включающим в себя самые разные виды этого направления. В отечественных исследованиях наиболее распространены такие варианты, как «мрачный туризм» [Велединский], «туризм специальных интересов» [Малетин], «темный туризм» [Рыбакова], «туризм впечатлений» [Малафий и др.], однако при этом отмечается сложность точного перевода этого словосочетания на русский язык, поэтому в данной статье мы используем оригинальную версию термина — dark-туризм. Фоли и Леннон определили dark-туризм как «представление и потребление (посетителями) реальных и коммерциализированных мест смерти и катастроф» [Foley, Lennon, p. 198], которые совершаются из желания увидеть реальность, скрывающуюся за изображениями в СМИ, и/или из-за личных переживаний, связанных с проявлениями жестокости. Авторы также отметили, что этот вид туризма предстает как некое «перепутье недавней истории бесчеловечных действий и их репрезентации в новостях и кинематографических медиа», а основное внимание в этой области уделяется интерпретации таких событий для их дальнейшей коммодификации [Ibid.].

В 2006 г. опубликована ключевая статья Ф. Стоуна, описывающая спектр dark-туризма в соответствии с видами туристического продукта в рамках этого направления. По мнению Стоуна, шкала спектра включает в себя «оттенки» dark-туризма — от «светлейшего» (“lightest”) до «темнейшего» (“darkest”). «Темнейшие» объекты, по Стоуну, представлены «местами смерти и страдания»,

в контексте туристской индустрии эти объекты обладают следующими характеристиками: ориентированность на образовательную деятельность, историкоцентричность, консервация и коммеморация, аутентичность локации и слабо развитая туристическая инфраструктура, а также высокий уровень идеологического влияния, связь с относительно недавними событиями. «Светлейшие» объекты, в свою очередь, — это объекты, «ассоциирующиеся со смертью и страданиями», для которых характерны ориентированность на развлечения, наследиецентричность, романтизация и коммерциализация, неаутентичность локации, хорошо развитая туристическая инфраструктура, низкий уровень влияния идеологии, а также высокая степень временной отдаленности от настоящего. В соответствии со шкалой Стоун выделяет семь видов продуктов dark-туризма в порядке от «светлейших» к «темнейшим»: *парки развлечений* (сюда относятся такие объекты, как иммерсивный музей «Подземелья Лондона»), *выставки* (в качестве примера Стоун приводит Катакомбы капуцинов в Палермо), *подземелья* (они включают различные музеефицированные тюрьмы), *последние пристанища* (представлены кладбищами), *святимища* — мемориалы, связанные с трагическими событиями в мирное время (например, Национальный мемориал и музей в память даты 11 сентября 2001 г. в Нью-Йорке), *места конфликтов* (мемориалы военного времени и места сражений) и *лагеря геноцида* (музеефицированные места геноцида, например, Государственный музей Аушвиц-Биркенау в Освенциме) [Stone, p. 151–157].

Несмотря на свою неоднозначность, спектр Стоуна получил широкое распространение среди исследователей «memory studies» и dark-туризма, позволив перейти в практическую плоскость, классифицировать объекты и оценить потенциал изучения этих направлений на конкретных территориях. Важной стала задача — правильно встроить трагические страницы истории разных стран в поле международной индустрии туризма, обосновать возможность превращения специфических объектов в туристические аттракции и места «культурной памяти». Знаковой в связи с этим стала статья Д. Лайта «Прогресс в исследованиях dark-туризма и танатотуризма: непростые отношения с историко-культурным туризмом», обобщающая итоги исследований в области dark-туризма за два десятилетия. На материале более 130 публикаций, вышедших в рецензируемых изданиях с 1996 по 2016 г., Лайт демонстрирует, как меняются подходы к изучению феномена: на рубеже веков подробно рассматриваются вопросы связи dark-туризма и постмодернизма, коммодификации объектов и этичности этого направления. В 2010-х фокус смещается в сторону исследования роли dark-туризма в контексте «коллективной памяти» и «идентичности», эмоциональной составляющей подобных поездок и приобретаемого туристами опыта [Light, p. 277]. Вывод, к которому приходит Лайт, в целом очевиден — dark-туризм и историко-культурный туризм достаточно трудно разграничить, а создание единой модели развития dark-туризма невозможно ввиду различий в отношениях к смерти в разных культурах и восприятия исторических событий в разных сообществах [Ibid., p. 296].

Следовательно, можно заключить, что сегодня термином «dark-туризм» обозначает любую форму туризма, касающуюся посещения объектов, история

которых так или иначе связана со смертью, трагедиями, страданиями или преступлениями. Это позволяет изучать и наиболее распространенные виды dark-туризма, такие как «некропольный», «тюремный», «военный», «мистический» или относящийся к «истории геноцида», и специфические виды, характерные для конкретных территорий: например, туризм, связанный с историей рабства (“slavery tourism”), развивающийся не только в США, но и в Гане [Holsey], или так называемый «Дракула-туризм» в Румынии, который, с одной стороны, основывается на исторических фактах и локальном фольклоре, с другой стороны, подвержен сильному влиянию глобальной массовой культуры [Novi].

Dark-туризм в контексте культурно-исторической памяти

В истории существуют события, которые не забываются, но память о которых со временем меняется, поэтому столь важно заниматься вопросами формирования и межпоколенческой трансляции культурной и исторической памяти. Сегодня влияние сферы новых медиа на механизмы коммеморации растет, и, соответственно, начинает доминировать социальная форма знаний, для которой основными каналами получения информации о прошлом становятся разнообразные массмедиа, а роль историков-профессионалов и специализированных каналов коммуникации в формировании коллективной памяти снижается [Ходнев]. В таком контексте историко-культурный туризм и связанный с ним dark-туризм становятся важным инструментом трансляции местной культурной и исторической памяти. Кроме того, для внутренних туристов данные виды представляют собой один из факторов, объединяющих общество и укрепляющих межпоколенческие связи, а для въезжающих туристов — дают возможность получить более полное и эмоционально окрашенное представление о локальном прошлом.

А. Ассман пишет о том, что «часть культурной памяти недвижима и не может быть перемещена, будучи привязана к конкретным топографическим координатам, следовательно, прикоснуться к ней можно, лишь совершив путешествие» [Ассман, с. 237]. В качестве основных мест памяти Ассман называет мемориалы и травматические места. Последние обладают особым эмоциональным воздействием, исторически многослойны, одновременно «аутентичны и инсценированы» (консервация и музеефикация со временем приводит к потере аутентичности), а также, в отличие от мемориалов, не поддаются однозначному символическому оформлению, позволяя разным категориям посетителей воспринимать место по-своему [Там же, с. 241–246]. О. В. Головашина отмечает, что в рамках современного массового туризма «прошлое становится товаром», превращаясь в «индустрию памяти», где локальное общество представляется своего рода «экспонатом», а местная культура трансформируется в «сувениры». При этом посещение достопримечательностей воспринимается как развлечение, а не как способ получить исторический опыт [Головашина, с. 42–43].

Однако dark-туризм ввиду своей специфики меньше подвергается «диснейфикации», а случаи чрезмерной коммерциализации отдельных направлений нередко

вызывают резонанс и негативную реакцию со стороны не только локального, но и глобального сообщества. В качестве примера можно назвать так и не воплощенную идею Министерства туризма Румынии по строительству в Трансильвании тематического парка развлечений, связанного с образом Дракулы. Проект обсуждался на протяжении нескольких лет, но всегда подвергался общественной критике — концепция воспринималась как искажающая историю и даже оскорбительная, поскольку в первую очередь основывалась на представлениях массовой культуры, а не реальных фактах и местных легендах [Jamal, Tanase]. Таким образом, можно заключить, что для многих направлений dark-туризма функция сохранения памяти более значима, чем развлекательная. Тем не менее Ю. В. Сливкова указывает, что объединение мемориального и рекреационного элементов способствует сохранению памяти о трагических событиях, а экскурсионная деятельность на объектах dark-туризма выступает в качестве эффективного способа трансляции исторической оценки прошлого [Сливкова, с. 179].

Важно отметить, что многие трагические события касались большого числа людей и сохраняются как элемент не только общей истории, но и истории частной, семейной. В таком ключе О. Матич описывает кладбища — как «место личной и исторической памяти, восстанавливающее в нашем сознании тех, кто умер и кого мы знали лично, и тех, которых мы знаем по старой и новой истории» [Матич, с. 24]. Возможность такого смешения повышает у туристов, посещающих объекты dark-туризма, уровень сопереживания и эмоционального отклика, понимания происходившего и его влияния на настоящее. Утрата же подобных объектов может привести к забвению — событий, людей, уникальных культурных символов. Ю. В. Рябинин указывает на проблему заброшенности и угрозы исчезновения культурно значимых могил и захоронений, что негативно скажется на памяти об исторических событиях [Рябинин, с. 531–533].

В таком контексте dark-туризм становится своеобразной практикой коммеморации: обращение к трагическим событиям прошлого, их представление широкой аудитории посредством музеев и музеефицированных пространств способствуют проработке травмирующего опыта и распространению исторического знания [Беззубова, с. 84]. Объекты dark-туризма выступают в качестве медиаторов между прошлым и настоящим и играют немаловажную роль в формировании и национальной, и локальной идентичности. Посещение таких объектов помогает въездным туристам лучше понять местную историю и культуру, а внутренним — не забывать сложные моменты своей истории, осознавать себя носителями определенных культурных кодов.

Выводы

На первый взгляд dark-туризм кажется неким маргинальным направлением туризма эпохи глобализации, превращающим трагические события в развлекательный «продукт», однако исследования данного феномена доказывают, что это далеко не так. Dark-туризм наиболее близок историко-культурному

туризму и играет важную роль в разработке культурной политики в отношении «мест памяти». Развитие dark-туризма позволяет создавать нарративы, соответствующие местному восприятию тех или иных событий, укреплять локальную идентичность, транслировать их на широкую аудиторию. В современном обществе, во многом формируемом самыми разными медиа, соприкосновение с аутентичным местом, сохранившим память о смерти, несущим на себе печать скорби, позволяет путешественникам, с одной стороны, прочувствовать прошлое, с другой — ощутить себя в настоящем и, возможно, примириться с неизбежным будущим. Dark-туризм — то направление туризма, где развлекательная, рекреационная функция заметно уступает познавательной, где необычайно важны коммеморативные практики. Даже связанные со столь коммодифицированными темами, как, например, крушение «Титаника», объекты в первую очередь стремятся погрузить посетителей в конкретную историческую эпоху и вызвать искреннее сочувствие к жертвам.

Объекты dark-туризма универсальны в контексте эмоционального восприятия событий, о которых они рассказывают, но в то же время неотделимы от идентичности, культуры того сообщества, чью память они хранят.

Ассман А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика. М., 2018. 328 с.

Беззубова О. В. Музей и политика памяти // *Международ. журн. исслед. культуры.* 2016. № 3 (24). С. 76–84.

Велединский В. Г. Мрачный туризм. Вздорная прихоть или потребность души // *Устойчивое развитие туризма и модернизация экономики России : материалы IV Международ. науч.-практ. конф. 6 сент. 2011 г. Улан-Удэ, 2011.* С. 56–60.

Головашина О. В. Человек путешествующий: прошлое как символический ресурс и идентификационные риски // *Философия и культура.* 2018. № 5 (125). С. 39–45.

Диккенс Ч. Картины Италии // *Собр. соч. : в 30 т. М., 1958.* Т. 9. С. 309–526.

Культурная память в контексте формирования национальной идентичности России в XXI веке : монография / отв. ред. Н. А. Кочеляева. М., 2012. 168 с.

Малафий А. С., Фатуева А. А., Промыслова К. С. Туризм впечатлений: ресурсы и перспективы развития в Тульской области // *Современные проблемы сервиса и туризма.* 2019. Т. 13, № 2. С. 101–111.

Малетин С. С. Туризм специальных интересов: концептуальные подходы исследования // *Вестн. НГУЭУ.* 2014. № 4. С. 218–225.

Матич О. Музеи смерти: парижские и московские кладбища. М., 2021. 280 с.

Мошняга Е. В. Развитие туризма в эпоху постмодернизма // *Вестн. РМАТ.* 2014. № 2. С. 15–20.

Рыбакова Е. В. Темный туризм в России: современное состояние, проблемы изучения // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии.* 2013. № 3 (17). С. 180–187.

Рябинин Ю. В. История московских кладбищ. Под кровом вечной тишины. М., 2016. 624 с.

Сливкова Ю. В. «Трудное» наследие пенитенциарной системы: анализ экскурсии в Тобольский тюремный замок // Общество: философия, история, культура. 2022. № 4. С. 175–180.

Твен М. Простак за границей, или Путь новых паломников. М., 2012. 582 с.

Урри Дж. Взгляд туриста и глобализация // Массовая культура: Современные западные исследования. М., 2005. С. 136–150.

Ходнев А. С. Культура памяти и публичная история // Ярослав. пед. вестн. 2015. № 6. С. 218–221.

Vauman Z. From Pilgrim to Tourist — or a Short History of Identity // Questions of Cultural Identity / eds. S. Hall, P. du Gay. L., 1996. P. 18–36.

Sovacs S. L. Pompeii and its material reproductions: the rise of a tourist site in the nineteenth century // Journal of Tourism History. 2013. Vol. 5, № 1. P. 25–49.

Foley M., Lennon J. J. JFK and dark tourism: A fascination with assassination // International Journal of Heritage Studies. 1996. Vol. 2, iss. 4. P. 198–211.

Groebner V. Touristischer Geschichtsgebrauch. Über einige Merkmale neuer Vergangenheiten im 20. und 21. Jahrhundert // Historische Zeitschrift. 2013. № 296 (2). P. 408–428.

Holsey B. Slavery Tourism: Representing a Difficult History in Ghana // The Oxford Handbook of Public History / P. Hamilton and J. B. Gardner (eds.). Oxford, 2017.

Hovi T. Dracula Tourism, Folklore and Cultural Heritage // Traditiones. 2011. Vol. 40, № 3. P. 75–86.

Jamal T., Tanase A. Impacts and Conflicts Surrounding Dracula Park, Romania: The Role of Sustainable Tourism Principles // Journal of Sustainable Tourism. 2005. Vol. 13, № 5. P. 440–455.

Light D. Progress in dark tourism and thanatourism research: An uneasy relationship with heritage tourism // Tourism Management. 2017. № 61. P. 275–301.

Rojek Ch. Ways of Escape: Modern Transformations in Leisure and Travel. L., 1993. 251 p.

Seaton A. Thanatourism and its discontents: An appraisal of a decade's work with some future issues and directions // The SAGE handbook of tourism studies / T. Jamal and M. Robinson (eds.). L., 2009. P. 521–542.

Stone P. R. A dark tourism spectrum: Towards a typology of death and macabre related tourist sites, attractions and exhibitions // Tourism. 2006. Vol. 54, № 2. P. 145–160.

Статья поступила в редакцию 01.02.2024 г.